

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ МОНАРХОВ В ЦАРСКИХ АННАЛАХ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

FEATURES OF MONARCHS' SELF-PRESENTATION IN THE ROYAL ANNALS OF THE ANCIENT EAST

**A. Larionov
M. Dvorkovaya
E. Kurenkova**

Summary: This article is devoted to identifying the features of the self-representation of the kings of the Ancient East in memorable apologetic inscriptions. As examples for comparative analysis, the annals of the kings of the Hittite kingdom, Urartu, Assyria and Persia of the Achaemenid era are taken. On the basis of the texts of the primary sources, the features of the royal titlature are studied in the royal annals. Conclusions are drawn about the inextricable connection of the sacred image of the tsarist power with military campaigns, which left an imprint on the entire political history of the despotists of the Ancient East.

Keywords: war, representation, royal annals, sacralization of power.

Ларионов Алексей Эдиславович

*К.и.н., доцент, ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»
allar71@yandex.ru*

Дворковая Марина Васильевна

*К.и.н., доцент, ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»
marinadvorkovaya@yandex.ru*

Куренкова Евгения Алексеевна

*К.и.н., доцент, ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»
ea.kurenkova@mgou.ru*

Аннотация: Настоящая статья посвящена выявлению особенностей самопрезентации царей Древнего Востока в памятных апологетических надписях. В качестве примеров для сравнительного анализа взяты анналы царей Хеттского царства, Урарту, Ассирии и Персии эпохи Ахеменидов. На основе текстов первоисточников исследованы особенности царской титулатуры, в царских анналах. Делаются выводы неразрывной связи сакрального образа царской власти с военными кампаниями, что наложило отпечаток на всю политическую историю деспотий Древнего Востока.

Ключевые слова: война, репрезентация, царские анналы, сакрализация власти.

Посвящается памяти замечательного учёного и педагога Екатерины Алексеевны Черкасовой, открывшей для нас удивительный мир Древнего Востока.

Не будет открытием утверждение о том, что война составляет хоть и печальную, но неотъемлемую часть человеческой истории. В таком своём качестве она пронизывает историческое время как синхронно, так и диахронно исторического времени. Не было эпохи или века, когда бы где-нибудь не воевали. И точно также, в любой момент истории на карте можно без особого труда отыскать «горячие точки», в которых оппоненты с оружием в руках бьются насмерть «за всё хорошее и против всего плохого». Война транс-темпоральна и транс-географична. Иными словами, хронотоп [5] войны есть константа истории. Война обладает функциональным свойством вездесущности – по крайней мере, пока мы говорим о земном плане исторического бытия человечества. Следовательно, война неизбежно оказывает влияние на все прочие сферы жизни государства, общества и человека. Культура, экономика, политика неизбежно и глубоко испытывают влияние милитарных интенций. Мышление и мировоззрение, быт и межличностные отношения – во многом определяются присутствием войны как реалии-константы – даже если это

присутствие фоновое, на заднем плане.

Если же общество хоть раз вступило в войну – то его жизнь и мироощущение меняются кардинально и необратимо. Война не просто вездесуща в истории – она постоянно оставляет неизгладимые следы на всём, к чему хоть раз прикасается. Легенду о Мидасе следовало бы перелицевать в легенду о Марсе. Так было и есть с глубокой древности и до настоящего времени. Ярким примером искусного показа многостороннего показа разностороннего и глубокого влияния войны на общество, культуру, мышление людей – от царей до жителей маленьких полисов «на краю Ойкумены», может служить блестящее исследование Ангелоса Ханиотиса «Война в эллинистическом мире» [14].

Подход этого автора вызывает симпатию и, во многом, созвучен нашему. Хотя хронологически, географически и субстанционально предмет нашего небольшого исследования иной. Мы приглашаем читателя силой мысли и воображения перенестись на Древний Восток, в эпохи, предшествовавшие расцвету Античной цивилизации. Война для древневосточных стран, их жителей и владык значила ничуть не меньше, чем тысячелетия спустя для эллинов и римлян. Более того, именно на Древнем Востоке война конституируется в качестве неотъемлемого

и важнейшего фактора и компонента социо-, полито- и культурогенеза. Подобно самому государству, институтам власти и права, дипломатии, война и борьба великих держав за сферы влияния также родом с Древнего Востока. И её следы прослеживаются во множестве дошедших до нашего времени памятниках, которые, таким образом, служат источником бесценной информации о древнейших государствах. Однако, сколь бы подробно ни был изучен тот или иной период человеческой истории, всегда можно отыскать те грани, которые ещё не подвергались достаточному и специальному изучению. В нашем случае объектом нашего научного внимания служат мемориальные надписи царей деспотий Древнего Востока, тогда как предметом изучения являются особенности самопрезентации древневосточных правителей через военную тему в содержании мемориальных надписей. Посредством анализа комплекса царских надписей правителей стран Древнего Востока мы попытаемся реконструировать особенности их ментальности в публичном пространстве и те средства легитимации своей власти, способы коммеморации, которые были типичны для различных древневосточных обществ. Также представляется возможным выявление тех аксиологических установок, которые детерминировали государственную деятельность правителей, придавая ей смысл, направленность и конкретное содержание. Не будет преувеличением утверждать, что в царских надписях себя в истории увековечивали сами народы и цивилизации Древнего Востока, формируя свой образ в мировой истории.

В хронологическом отношении, подвергнутые исследованию надписи древневосточных правителей, принадлежат разным периодам истории Древнего Востока. Их география простирается от Малой Азии (Хеттское царство) через Двуречье (Ново-Ассирийская держава) и Закавказье (Урарту) до Иранского плато (Царство Ахеменидов). Но сам тип транс-темпоральной коммуникации, когда владыки стремились увековечить свои имена и свершения, не говоря уже о схожести социально-политических моделей восточной деспотии, является достаточным основанием для компаративного анализа с целью поиска универсальных закономерностей и локальной специфики древних цивилизаций.

В приводимой ниже таблице 1 указаны цари Древнего Востока, анналы которых привлечены нами для анализа в рамках сформулированной темы. Критерием для отбора служили как само наличие надписей, так и их соотношение с периодами подъёма могущества конкретных государств. Проще говоря, для анализа привлечены, преимущественно, надписи тех восточных царей, в правление которых их царства достигали наибольшей степени мощи и международного влияния. Соответственно, монументальные надписи служили не просто средством самовозвеличения, но и отражали реальное положение дел, пусть и достаточно субъективно. И они же позволяют увидеть, как осмысливали себя правители и элита этих государств, строили свою историческую идентичность и историческую (имперскую) миссию на пике своего государственного могущества, когда почти никто, как казалось, не мог им противостоять.

Структура царских анналов Древнего Востока обладает определёнными сходными чертами. Так, в большинстве надписей начало носит формульный ритуальный характер, включая в себя элементы титулатуры и сакрального обращения/посвящения богам-покровителям царства и царя. Царские анналы мы находим уже в Старо-Хеттском царстве. Подъём его международного значения начался в XVIII-XVII вв. до н.э. В летописи Хаттусилиса I мы видим характерную формулу: «Так говорит Табарна Хаттусилис, Великий царь, царь страны Хатти, человек города Куссара» [9].

Четыре столетия спустя далёкий наследник этого царя – Хаттусилис III начинает свою автобиографическую надпись в почти идентичных выражениях: «Так говорит Табарна Хаттусилис, Великий царь, царь страны Хатти, сын Мурсилиса, Великого царя, внук Суппилулиумаса, Великого царя, царя страны Хатти, потомок Хаттусилиса, царя города Куссара»[2].

Типологически сходно, но иначе осуществляется репрезентация деяний царей Урарту в начале большинства царских надписей. Преемственность зачинательных формул отчётливо прослеживается из поколения в поколение. В надписях царя Менуа, в частности, читаем: «Величием бога Халди Менуа, сын Ишпуини...» и далее

Таблица.

Сильнейшие владыки Древнего Востока.

Хеттское царство	Ново-Ассирийская держава	Урарту	Персидская держава Ахеменидов
Мурсилис II (1345-1315 гг. до н.э.) Муваталлис (1315-1296 гг. до н.э.) Хаттусилис III (1289-1265 гг. до н.э.)	Тиглатпаласар III (744-727 гг. до н.э.) Салманасар V (726-722 гг. до н.э.) Саргон II (721-705 гг. до н.э.) Синахерриб (704-681 гг. до н.э.) Ассархаддон (680-669 гг. до н.э.) Ашшурбанапал (668-635 гг. до н.э.)	Менуа (810-781 гг. до н.э.) Аргишти I (781-760 гг. до н.э.) Сардури II (760-730 гг. до н.э.) Руса I (730-714 гг. до н.э.)	Кир II Великий (559-530 гг. до н.э.) Дарий I Гистасп (522-486 гг. до н.э.) Ксеркс (486-465 гг. до н.э.)

следует расширенный повтор: «Величием бога Халди Менуа, царь могущественный, царь великий, правитель Тушпа-города» [10, с. 153].

Потомок Менуа, царь Сардури II, при котором Урарту достигает максимума своего могущества (увы, недолговечного!): начинает надписи о своих многочисленных походах следующим образом: «Богу Халди, владыке, эту надпись Сардури, сын Аргишти, царь могущественный, царь великий, царь вселенной, царь страны Бианили, царь царей, правитель Тушпа-города» [10, с. 197].

Более удачливый и долговечный соперник Урарту – Ново-Ассирийская держава оставила большое количество царских анналов, которые начинаются значительно более лапидарными и пространными формулами. В частности, один из великих царей-завоевателей Синахериб оставил систематическое описание своих деяний на т.н. «Призме Тейлора», начинающееся со следующих слов: «Я – Синахериб, великий царь, могучий царь, царь обитаемого мира, царь Ассирии, царь четырех стран света, премудрый пастырь, послушный великим богам, хранитель истины, любящий справедливость, творящий добро, приходящий на помощь убогому, обращающийся ко благу, совершенный герой, могучий самец, первый из всех правителей, узда, смиряющая строптивых, испепеляющий молнией супостатов. Бог Ашшур, Великая гора, даровал мне несравненное царствование, и над всеми обитающими в чертогах, возвеличивает он свое оружие» [4].

Привлекает внимание по стилю и содержанию известное «Письмо богу Ашшуру», составленное как победная реляция царём Саргоном II в 714 г. до н.э. Его начало отличается оригинальностью: «Ашшуру, отцу богов, владыке великому, моему владыке, живущему в Эхурсагалькуркурре, своем великом храме, – большой, большой привет! Богам судеб и богиням, живущим в Эхурсагалькуркурре, их великом храме, – большой, большой привет! Богам судеб и богиням, живущим в городе Ашшуре, их великом храме, – большой, большой привет! Граду и людям его – привет! Дворцу и живущим в нем – привет! Шаррукин, светлый первосвященник, раб, чувший твою великую божественность, и войско его – весьма, весьма благополучны» [12]. Ещё более проникнуты религиозностью апологетические надписи Ашшурбанапала, где последовательно перечисляются основные боги как собственного Ассирии, так и всей Месопотамии. Только после этого царь кратко говорит о собственной персоне.

Полтора-два века спустя великие персидские цари династии Ахеменидов внесут свой вклад в ритуальные формулировки царских анналов Древнего Востока. Кир Великий в своём манифесте жителям Вавилона умело использует ритуальные формулы для утверждения своей легитимности во взятой силой оружия стране: «20.

Я есмь Курош, царь вселенной, великий царь, могущественный царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех частей света, 21. сын Камбиза, великого царя, царя города Аншан, правнук Куроша, великого царя, царя города Аншан, потомка Тейсписа (Чешпиша) великого царя, царя города Аншан, 22. вечное семя царства, чью власть любят Баал (Мардук) и Набу, о чьем правлении они ликуют и заботятся. Когда я пришел вестником мира в Вавилон, 23. я установил свой царский трон посреди всеобщего ликования и празднеств. Мардук, великий господь, одарил меня для выполнения моей миссии великим благородством того, кто любит Вавилон, и я каждый день стремился к нему в трепете» [11]. В то же время, историкам знакома предельно краткая самопрезентация Кира Великого на остатках дворца в Персеполе, всего из 4-х слов: «Я, Кир, Царь Ахеменид». Возможно, создатель мировой державы персов не без оснований полагал, что слава его имени будет говорить сама за себя.

Наследник первых ахеменидских царей Дарий I Гистасп в знаменитой Бехистунской надписи преподносит себя потомкам следующим образом: «Я – Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии, царь стран, сын Виштаспы, внук Аршамы, Ахеменид... По воле Ахурамазды я – царь. Ахурамазда дал мне царство» [6].

Сын Дария Гистаспа Ксеркс, более всего известный своим неудачным походом в Элладу, также позаботился об увековечении себя в монументальной записи: «Бог великий Ахурамазда, который создал эту землю... который сделал Ксеркса царём, единым над многими царями, единым над многими повелителем. Я Ксеркс, царь великий, царь царей, царь стран многоплеменных, царь этой земли великой... Дария царя сын, Ахеменид, перс, перса сын, ариец, из арийского племени» [1, с. 136].

Как видим, за исключением хеттских царей, все остальные владыки так или иначе начинали описание своих деяний с упоминания богов, тогда как хеттские цари предпочитали частое упоминание небожителей по тексту. Автобиография Хаттусилиса III, где он постоянно подчёркивает покровительство богини Иштар во всех значимых моментах своей жизни, служит показательным примером.

Помимо ритуальных воззваний к богам обязательным элементом анналов являлась заявка о царском величии (непременная формула «великий царь»), притязания на всемирность своей власти («царь четырёх сторон света»), далее могли перечисляться те качества, которыми персона царя должна была обладать априори (сила, мудрость, справедливость и т.п.). Часто встречающимся элементом было упоминание своих предков – родовых (хетты, ассирийцы, персы, урарты) и племенных (персы, вспомним самоидентификацию Ксеркса – «перс,

ариец...»). Таким образом, легитимность и исключительность института царской власти и собственно фигуры царя зиждились на сверхъестественных (апелляция к богам), династических (перечисление предков), племенных (принадлежность к господствующему племени) и личностных (положительные качества в превосходной степени) характеристиках в различном сочетании. При этом же роль божеств в древневосточной царской титулатуре могла варьироваться от незаметной, возможно только подразумеваемой (хетты) до чрезвычайной (избыточная показная набожность Ашшурбанапала). Особняком стоит некая фамильярность Саргона II, который в своём «Письме» приветствует богов почти как равный. Вероятно, громкие победы над самым опасным врагом Ассирии – Урарту, совершённые длинные, многотрудные и победоносные походы утвердили этого царя в мысли о собственном величии. Череда военных побед и отсутствие равновеликой силы на земле являлось как будто доказательством божественности персоны царя и его деяний. Промежуточное положение занимают формульные тексты персов и урартов – боги в них упоминаются как неперменное основание царской власти и податели милостей, но чрезмерного внимания им не уделяется.

Можно высказать осторожную гипотезу, что религиозность индоевропейских и иранских народов (к каковым относились хетты, урарты и персы) отличалась меньшей склонностью к религиозной экзальтации, нежели народов семитской группы, к которой относились ассирийцы. Но, повторимся, это не более, чем вольная авторская гипотеза.

Из сказанного напрашивается общий вывод: сакрализация царской власти в древневосточных деспотиях была неразрывно связана с войной и военными победами как важнейшими доказательствами царского величия и божественного статуса царской власти. Из чего напрашивается предположение о том, что оформившаяся идеология сама превратилась в фактор исторического развития, обуславливая милитаризм и захватнические войны не в меньшей степени, нежели утилитарные соображения типа военной добычи и расширения сферы влияния. В дальнейших публикациях авторы предполагают более подробно рассмотреть особенности репрезентации самой войны в царских анналах Древнего Востока, чтобы придать дискурсу целостный и завершённый характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Антидэвовская надпись Ксеркса // Иранские языки. Труды Института языка и мышления АН СССР. Т.1. М.-Л., 1945. С. 136.
2. Автобиография Хаттусилиса III // http://rulibs.com/ru_zar/antique_east/ivanov/0/j62.html Дата обращения 08.05.2021.
3. Анналы Саргона II // <https://web.archive.org/web/20090401194942/http://hworld.by.ru/text/assir/sargon.html> Дата обращения 17.05.2021.
4. Анналы Синахерриба // <https://pandia.ru/text/77/390/29767.php> Дата обращения 09.05.2021.
5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
6. Бехистунская надпись Дария I / перевод В.И. Абаева // <http://rec.gerodot.ru/behistun/abaev01.htm> Дата обращения 19.01.2022.
7. Боура С.М. Героическая поэзия. М.: НЛО, 2003.
8. Евдокимов Р.Б. После молчания. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2000. С. 344-357.
9. Летопись Хаттусилиса I // http://rulibs.com/ru_zar/antique_east/ivanov/0/j20.html Дата обращения 08.05.2021.
10. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 274.
11. О чём повествует Курош в своей Хартии // <https://web.archive.org/web/20110420063404/http://russian.irib.ir/radioculture/iran/history/item/77434> Дата обращения 03.05.2021.
12. Письмо Саргона II к богу Ашшуру с описанием похода против Урарту 714 г. до н. э. // <http://annales.info/urartu/avi/049.htm> Дата обращения 09.05.2021.
13. Струве В.В. Хрестоматия по истории Древнего мира. Том 1. Древний Восток. М.: Учпедгиз, 1950. С. 199.
14. Ханиотис А. Война в эллинистическом мире. Социальная и культурная история. СПб.: Нестор-История, 2013. – 432 с.

© Ларионов Алексей Эдиславович (allag71@yandex.ru), Дворковая Марина Васильевна (marinadvorkovaya@yandex.ru),

Куренкова Евгения Алексеевна (ea.kurenkova@mgou.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»